

Принцесса Сяньнин нахмурилась, её голос стал серьёзным:

— Я боюсь, что семья Сун поднимет мятеж, и боюсь, что они этого не сделают. Если они восстанут, в Поднебесной начнётся хаос, и народ пострадает. Если же не восстанут, то страдать придётся мне.

— Тогда пусть лучше восстанут, — с усмешкой произнёс Доу Ту. — Если они поднимут мятеж, мы сможем продвинуться по службе и разбогатеть, а принцесса избавится от этого водоворота. Что здесь плохого? Некоторые люди умрут — так и быть, это грехи семьи Сун, какое нам до этого дело?

Принцесса Сяньнин не возразила, лишь моргнула и, словно небрежно, начала вращать чайную чашку. Её голос был настолько лёгким, будто доносился с небес, и таким неуловимым, что казался нереальным:

— Но что, если семья Сун действительно не восстанет?

В глазах Доу Ту мелькнул холодный блеск. Он лениво откинулся назад, усевшись на пятки.

— Нет, они обязательно восстанут.

Принцесса Сяньнин больше не колебалась. На её лице появилась лёгкая улыбка, и она грациозно поднялась, обращаясь к трём своим доверенным лицам:

— Господа, вам нужно внимательно следить за моим Фума. Иначе, если он по своей наивности переметнётся на сторону врага перед битвой, даже заяц может укусить.

Смеясь, она вышла, и в этот момент вошёл человек с докладом:

— Ваше высочество, левый инспектор Тинвэя, Чжан Хэ, просит аудиенции у коменданта Фума.

Принцесса Сяньнин и её доверенные лица переглянулись и не удержались от смеха.

— Видите, что я говорила? Дядя Чжан посещает нас каждый день, похоже, он влюбился в Фума!

Все рассмеялись. Принцесса Сяньнин махнула рукой и первой вышла вперёд:

— Пойдёмте посмотрим, зачем пожаловал левый инспектор Чжан.

Сун Чжи только что проснулась после полуденного сна и находилась в полусонном состоянии, когда Цзюньцзюнь её разбудила. Услышав, что Чжан Хэ пришёл с визитом, она с недовольством велела Цзюньцзюнь выйти и сказать, что она нездорова и не может принимать гостей. Цзюньцзюнь некоторое время не двигалась, и Сун Чжи с неудовольствием надула губы:

— Что случилось? Почему ты не идёшь?

Обернувшись, она увидела, что принцесса Сяньнин спокойно стоит у двери, наблюдая за ней с насмешливой улыбкой, и тихо фыркнула:

— Фума.

Сун Чжи тут же вскочила, поспешно схватила одежду и, покраснев, опустила голову, извиняясь:

— Ваше высочество, прошу прощения!

На оживлённых улицах Лояна внезапно появилась группа юношей в роскошных одеждах, окружавших замужнюю девушку, которые медленно шли по улице. Однако Лоян — это древняя столица, где живут в основном богатые люди, и случайный удар палкой может сбить с ног несколько знатных особ. Жители города не обратили на это особого внимания, но их взгляды привлекли трое ведущих, которые выделялись своей внешностью. Женщины на улице смотрели на двух молодых людей по бокам, а мужчины с сожалением наблюдали за женщиной в центре, которая уже носила причёску замужней дамы.

Эти трое были не кем иным, как принцессой Сяньнин, её супругом и левым инспектором Тинвэя Чжан Хэ. В Великой Чэнь нравы были открытыми, женщины часто появлялись на улицах, продавая и покупая товары. Сун Чжи никогда не выходила из дома, полагая, что девушки должны сидеть дома и читать наставления для женщин. Однако принцесса Сяньнин лишь презрительно усмехнулась в ответ на это заявление, и, если бы не её королевское достоинство, она могла бы прямо выразить своё пренебрежение.

После выхода на улицу Сун Чжи поняла, насколько сильно она была дезинформирована телевизионными драмами. Женщины, едущие верхом и владеющие мечом, не были чем-то необычным, прогулки по улицам и покупки были повседневным делом, и даже Чжан Хэ удивился, почему у Сун Чжи были такие старомодные представления о женщинах. Если бы Чжан Хэ знал, что такое «мужской шовинизм», он бы давно указал на неё пальцем.

После нескольких недоразумений Сун Чжи перестала удивляться. Даже когда женщина рядом бросила в неё сливу, она больше не растерялась, как в первый раз, а смогла поймать её, вытереть и передать принцессе Сяньнин, моргая:

— Ваше высочество, съешьте сливу.

Принцесса Сяньнин промолчала.

Чжан Хэ с трудом сдерживал смех, объясняя Сун Чжи:

— Это называется «бросить персик — получить сливу». Эта женщина выражает вам свою симпатию.

Сун Чжи всё ещё хорошо относилась к Чжан Хэ, этому красивому юноше. Сегодня он пришёл, чтобы извиниться перед ней и предложить прогулку в качестве компенсации. Хотя в итоге принцесса тоже пошла, но хотя бы они вышли из дома, и ей не пришлось гулять по резиденции принцессы, что её обрадовало. Сун Чжи не была злопамятной, она признавала, что сама была недостаточно искусна. Глядя на красивое лицо Чжан Хэ с мягкой и искренней улыбкой, она внутренне успокоилась.

Она редко шутила:

— Если мне подарят драгоценный камень, я отвечу папайей. Сливы бесполезны, принцесса их не любит, лучше отдать их Чжунхоу Мину.

Она повернулась и бросила сливу Мину Аню, который шёл за ними, переодетым слугой. Мин Ань поймал её, и она похвалила его ловкость.

— Ваше высочество, осторожно! — Сбоку внезапно появилась тёмная тень.

Чжан Хэ широко раскрыл глаза, быстро шагнул вперёд, прыгнул и ударом ноги отбросил летящий предмет, а затем приземлился на землю, настороженно оглядываясь.

Принцесса Сяньнин с самого начала оставалась совершенно спокойной. Она взглянула на так называемый «снаряд» и, повернувшись к Сун Чжи, с насмешливой улыбкой подняла бровь:

— Фума, ваша папайя.

Сун Чжи вытянула шею и увидела, что это действительно папайя, которую Чжан Хэ разбил в щепки. Она посмотрела на папайю на земле, а затем на Чжан Хэ, который только что продемонстрировал свою ловкость и эффектно приземлился. Уголки её рта дёрнулись, а в глазах появилось восхищение:

— У Шу Цюэ такие навыки... не хуже, чем у Чжунхоу Мина.

Чжан Хэ покраснел от её восхищённого взгляда и поспешил сменить тему:

— Ваше высочество, Фума, на улице слишком много людей, может, зайдём в таверну?

Принцесса Сяньнин тоже устала, она подняла глаза и увидела, что рядом находится оживлённая таверна. Она кивнула и первой вошла внутрь. Сун Чжи последовала за ней, и они сели в отдельной комнате, окружённой ширмами, создавая уединённое пространство. Мин Ань и несколько слуг сели рядом, готовые к охране.

После того как подали вино и закуски, Сун Чжи с нетерпением спросила Чжан Хэ:

— Шу Цюэ, у кого вы учились боевым искусствам?

Чжан Хэ посмотрел на Сун Чжи, а затем на принцессу Сяньнин, которая, казалось, была равнодушна к этому вопросу, и, немного поколебавшись, ответил:

— Хэ учился у господина Сыту, но я лишь его ученик по записи, а не официальный ученик, принятый в покои.

Принцесса Сяньнин грациозно поставила чашу с вином, подняла глаза на Чжан Хэ и с лёгкой улыбкой сказала:

— Левый инспектор Чжан, хотя вы лишь ученик по записи, вы молоды и талантливы, и, я уверена, господин Сыту гордится вами.

— В юности я был из бедной семьи и часто скитался, — произнёс Чжан Хэ, его лицо покраснело, словно он сказал что-то постыдное, — но позже мне посчастливилось учиться у господина Сыту, и я многому научился. Я бесконечно благодарен.

— Скитались? — с восторгом воскликнула Сун Чжи. — Это так здорово!

Чжан Хэ, однако, помрачнел, словно его оскорбили, и его улыбка стала натянутой.

— Что случилось? — удивилась Сун Чжи. — Разве скитаться не здорово? Наказывать злодеев, творить добро, быть свободным, я искренне восхищаюсь этим. Великий рыцарь служит своей стране и народу. В детстве я тоже мечтала стать героем.

Услышав это, Чжан Хэ удивился:

— Фума, вы из знатной семьи, вас все уважают, а скитальцы презираются образованными людьми. Я слышал, что в юности Сун Мэнсюэ общался со скитальцами, и господин Сун жестоко наказал его. Почему у вас такие мысли?

Оказывается, в то время скитальцы не пользовались хорошей репутацией, они были чем-то вроде уличных хулиганов, и высшее общество их не принимало. То, что Сун Чжи не только не презирала Чжан Хэ за его прошлое, но и восхищалась им, вызвало у него ещё больше симпатии, но также и сомнений.

Принцесса Сяньнин, видя, что Сун Чжи снова попала в ловушку, даже не вздохнула, а прямо сказала Чжан Хэ:

— Левый инспектор Чжан, раз вы учились у господина Сыту, то вы с Фума — однокашники. Я слышала, что вы говорили, что Фума мягок и учтив, обладает изысканными манерами. Теперь, встретив его снова, сохранилось ли у вас это впечатление?

Чжан Хэ смущённо улыбнулся:

— Хэ всегда восхищался Фума, а теперь, познакомившись ближе, я чувствую, что он ещё более любезен, и Хэ ощущает себя как на весеннем ветру.

Авторская ремарка:

Обычно ритуальные нормы ограничивают количество личной стражи, которую можно дарить принцессам и принцам, это общеизвестно. Некоторые принцессы, пользующиеся благосклонностью, могут в частном порядке собирать стражу для охраны дома, но это считается домашними слугами, а не личной стражей. Разрешение на расширение личной стражи — это особая милость Сына Неба.

Небольшая реклама произведения моего собрата по цеху Ту Шэна (настоящего прямого мужчину), «Император и министр». Его произведение отличается сдержанным и величественным стилем, сюжетная линия тонкая и глубокая, а в жанре политических интриг его мастерство находится на высшем уровне. Использование языка изысканно, сюжетная структура очень плотная и логичная, это редкое произведение. Персонажи в этой книге изображены очень ярко, они не одномерны, а их взаимодействие выглядит очень естественно, повествование плавное и не утомительное. Пожалуйста, поддержите моего собрата, он новичок на Цзиньцзяне, помогите ему. Большое спасибо (кланяюсь)!

<http://bllate.org/book/16453/1492771>